

Литературные заметки

с. 2

«») Хотя ваша статейка и безъ того рядочно растапулась, намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о нападки на драму г. Чехова. „Ивановъ“. Встали мы ихъ въ библиографическомъ отдѣлѣ „Рус. Мысли“ и въ статьѣ г. Михайловскаго: „Случайныя змѣты“ („Рус. Вѣд.“, № 133). Въ обонхъ отъ вахъ г. Чехову приписываютъ всѣ мнѣнія, какія высказываетъ герой его драмы, обвиняя его въ проповѣди „сѣренькой жизни“ и шаблона. Рецензентъ „Рус. Мысли“ обвиняетъ его еще и въ предвзятомъ отношеніи, въ образѣ Львова, къ людямъ твердыхъ прямолинейныхъ убѣжденій.

Съ вышеприведенными нападками на драму г. Чехова мы далеко не можемъ согласиться. Намъ кажется, что г. Чеховъ, при созданіи ея, руководился не моралью, но прежде всего желалъ изобразить нерѣдкій въ наше время фактъ паденія человѣка, недавно добраго и преисполненнаго жизни, вслѣдствіе нервнаго утомленія. Трагизмъ положенія въ данномъ случаѣ увеличиваетъ тѣмъ, что герой вполне сознаетъ глубину своего паденія и ужъ, конечно, вовсе не кокетничаетъ и не рисуетъ себя, какъ полагаетъ г. Михайловскій. Вѣрна психологически и фигура доктора Львова, честнаго, но прямолинейнаго (прямолинейность не слѣдуетъ отождествлять съ твердостью). Онъ первъ возбуждаетъ подозрѣнія въ жевѣ Ивановой, клеветаетъ ей на мужа, и все это въ глубокомъ убѣжденіи, что поступаетъ честно, борется противъ зла и неправды. Его узкость, прямолинейность, безплатная нетерпимость цѣликомъ выхвачены авторомъ изъ жизни и хороши всѣмъ намъ извѣстны.

Тотъ фактъ, что нѣкоторая часть печати вывела изъ драмы мораль въ смыслѣ проповѣди „сѣренькой жизни“, само по себѣ показываетъ глубину затронутого авторомъ настроенія. Вѣдь тѣ люди недавно еще проповѣдывали о всѣмъ иномъ, и фактъ ихъ превращенія можетъ быть отнесенъ лишь къ нравственному утомленію, которое заражаетъ атмосферу нашей общественной жизни. Съ другой стороны, въ нападкахъ на драму не звучатъ ли отчасти нѣкоторыя ноты изъ характера Львова? Мы думаемъ, что г. Чехову удалось намѣтить въ своей драмѣ два изъ основныхъ теченій нашей общественной жизни, при чемъ, конечно, идеаломъ можетъ служить ни разочарованность Ивановыхъ, ни прямолинейная узкость Львовыхъ.

А. Уманскій.